

К 400-летию династии Романовых

П. А. Сапронов

РОМАНОВЫ КАК ДИНАСТИЯ¹

Когда ровно 100 лет назад в России отмечалось трехсотлетие династии Романовых, с этой датой все было вполне очевидно. В 1613 году Земский собор избрал царем всея Руси Михаила Федоровича Романова и с тех пор Романовы неизменно занимали российский престол. Во всяком случае, так считалось официально и внутри России возражений на этот счет не было. Сегодня, в 2013 году, событие уже четырехсотлетней давности вспомнили опять, так или иначе оно отмечается, только вот в вопросе о том, в каком именно качестве, остается некоторая неясность и недоговоренность. И в самом деле, говорить, например, о четырехсотлети династии Романовых не приходится. Династия эта была таковой до февраля 1917 года, и с тех пор Романовы уже не династия. В каком тогда качестве Романовы сохранились? Если это род или дом Романовых, то он существовал задолго до 1613 года и принадлежал к числу самых родовитых из числа московского боярства. Так что в отношении рода или дома никакой четырехсотлетней годовщины не складывается. Проблематично, впрочем, и сохранение до сегодняшнего дня того целого, которое некогда было родом и домом. Романовы давно рассеялись по свету, более или менее ассимилировались в ряде национальных культур. У их дома нет безусловно признаваемого всеми главы, нет и ощущения своего единства, удерживаемого соотносительностью с «первопредком» и другими более или менее отдаленными предками. Остается в таком случае отмечать начало царствования в России династии Романовых четыреста лет назад, царствования, которое уже 100 лет как прекратилось. Станный в итоге получается юбилей. Не то чтобы он бессмысленный, все-таки с началом правления Романовых и тем более последующим трехсотлетним царствованием связано для России очень и очень многое. Но как тогда оформить, какой смысловой формуле подчинить происшедшее в 1613 году и длившееся до 1917 года. В общем-то, вряд ли под знаком круглой даты и юбилея, а если все-таки их, то как поминовение одного из измерений русской истории, которая в течение трехсот лет была неотрывна от правившей в России династии. Об этом нам, гражданам своей страны, лучше никогда не забывать и вряд ли чтобы оценивать минувшее трехсотлетие, искать в нем хорошее и плохое, подводить баланс при их сопоставлении. Занятие в таком роде дело заведомо сомнительное и пустое. Другой вопрос — память о некогда имевшем

1 В рамках работы гранта РГНФ № 13-03-00241 "Романовы: pro et contra. "Образы Романовых в общественном сознании российского, советского, постсоветского времени"

место быть и в меру своих возможностей его понимание как своей истории, «какой ее Бог нам дал».

В плане такого понимания не последнее дело попытаться понять, что из себя представляли Романовы на протяжении трехсот лет в качестве династии. Династия ведь — это понятие и достаточно определенное, и вместе с тем предполагающее некоторую династийную вариабельность. Это действительно так, что есть династии и династии. Они, скажем, могли быть в различной степени легитимированы, хотя всецело нелегитимная династия — это противоречие в понятиях. Или, скажем, различные династии в разной степени точности, последовательности и строгости опирались на принцип кровного родства. Внутридинастическая борьба, столкновение, взаимонеприятие тоже могли достигать разной степени интенсивности или исключаться вовсе. Укажу в предварительном порядке еще на одно обстоятельство. Для некоторых династий за период своего существования характерной была большая или меньшая интеграция, когда они «разуплотнялись», становились эфемерными, почти полностью исчезали, однако впоследствии происходило вторичное уплотнение и интеграция. Перечисленное, так же как и ряд других моментов имело прямое отношение к династии Романовых. К их рассмотрению мы и приступим в надежде некоторого прояснения своеобразия осуществления династического принципа применительно к России.

Первое, на что я бы обратил внимание при обращении к династии Романовых, это реальность общеизвестная и само собой разумеющаяся — на то, что они были избраны на царство Земским собором. Разумеется, речь в этом случае идет не просто об избрании в цари Михаила Федоровича Романова. Оно, в свою очередь, стало возможным благодаря родству Романовым с последним русским царем из династии, чья легитимность никогда и ни у кого в Московской Руси сомнений не вызывала. Родство это по женской линии, оно было, если так можно выразиться, мимолетным, так как рожденный от Ивана Грозного и Анастасии Романовой Федор Иоаннович потомства не имел. Ситуация с романовским родством по сути не очень отличается от ситуации Бориса Федоровича Годунова, чья сестра стала супругой царя Федора Иоанновича. Борис Федорович через Ирину Федоровну тоже породнился с московскими царями, и это обстоятельство не могло не способствовать его избранию на царство. Некоторое отличие между Михаилом Федоровичем и Борисом Федоровичем, впрочем, было. Все-таки в Федоре Иоанновиче текла кровь Романовых, она стала царской кровью, чего с Годуновыми не произошло. Они через царицу Ирину вошли в семью русских царей, тогда как Романовы причастились их роду. Так или иначе, но родство Романовых с потомками Александра Невского и Ивана Калиты было минимально. Оно послужило скорее зацепкой, чем серьезным основанием для избрания на царство Михаила Федоровича, и соответственно, превращению его рода в династию.

Ничего подобного возникновению династии Романовых остальной Запад не знает. По крайней мере, в отношении династий ведущих европейских держав. Так, в Речи Посполитой, как известно, избирали королей каждый раз заново и у их потомков не было никаких гарантий, по сути же, шансов, образовать династию. Интересней, однако, случаи прекращения одной династии и возникновения другой. Так, во Франции династия Капетингов прервалась в 1328 году и ее сменили Валуа, чьими преемниками стали в 1589 году Бурбоны. Каждый раз, однако, последующая династия представляла младшую ветвь предыдущей, так что не лишено смысла утверждение о непрерывном правлении Капетингов во Франции, начиная со второй половины десятого до конца XVIII века. Сложность перехода королевской короны от старшей ветви к младшей

при этом состояла в спорности блажейшего родства с Капетингами, скажем, именно Валуа, а не их соперников Плантагенетов. Сходной была ситуация и в Англии во времена соперничества Ланкастеров и Йорков. И потом ни одна из ветвей династии во Франции или Англии не утверждалась соответствующим представительным органом. В Московской же Руси родство родством, каким бы минимальным оно не было, но царь тем не менее был избран Земским собором, именно он основал династию Романовых.

Конечно, Земский собор никогда не воспринимался в русских пределах как единственный или хотя бы главный источник царственности Михаила Федоровича и его потомков. Да, собор легитимировал в качестве царя одного из Романовых, прекратил соперничество в борьбе за царскую власть. Однако со стороны Земского собора тем не менее прозвучала формула, согласно которой Михаил Федорович становился царем «по Божией воли». Результатом же первоначально целиком неустрашимой двойственности источника статуса первых Романовых стала некоторая шаткость их положения в качестве царей. Пускай никто из числа боярской знати и не заявлял своих поползновений на царскую корону. Зато самозванчество вовсе не угагло сразу и окончательно. Самозванцы в царствование не только Михаила Федоровича, но и Алексея Михайловича в Московском царстве объявлялись неоднократно. Не то чтобы это расшатывало царскую власть, скорее уместным будет говорить о ее неполной устойчивости и монолитности в виду, в том числе, и выступлений самозванцев.

Почему-то, кстати говоря, историки проходят мимо или упоминают вскользь о том, что и знаменитый Степан Разин, доставивший множество хлопот царю и правительству, тоже не был чужд самозванчеству. Память о нем ко времени Стенькиного бунта оставалась еще свежа, да и его совсем свежие рецидивы — это было налицо. Особый интерес в этой связи представляют свидетельства, пускай и не вполне достоверные, о том, что посланцы Разина засылались им к опальному патриарху Никону. Сосланный в Новый Иерусалим номинально, он оставался патриархом. Так почему бы Степану Разину и разинцам было не искуситься перспективой подкрепить своего царя-самозванца поддержкой со стороны не такого уж ненастоящего патриарха?

Вспомним, наконец, еще и бунты, прокатившиеся по Руси в первые годы царствования Алексея Михайловича, не в последнюю очередь они задели даже Москву. Причем по некоторым сведениям, дело заходило настолько далеко, что под угрозой находилась жизнь молодого царя. Как на Романова, в противоположность кому-либо из претендентов на нее никто не посягал, надо это признать. Но точно так же и то, что Смутным временем царское достоинство было поколеблено, а это, в свою очередь, сказывалось на становлении новой династии, как несмутимой и неколебимой в своей царственности. Все-таки, от того же Алексея Михайловича и его правительства не исходило и малой доли тех неустроений и безумств, которые связаны с царствованием Ивана Грозного. Последний мог позволить себе практически все, что выходило на свет Божий из его темных душевных недр и ничего. Как-то оно терпелось, противодействие Окаянному, а вовсе не Грозному Ивану существовало почти исключительно в его воспаленном воображении. Когда же оно становилось реальностью — это был бунт на коленях. Такой бы бунт юному царю Алексею, о нем можно было бы только мечтать.

Одним из примечательных моментов истории династии Романовых стало то, что когда в ней разразился тяжелый династический кризис, при всей своей тяжести он не касался самого династического принципа. К тому времени династия уже вполне легитимировалась, основательно укоренилась в русской почве, почему и в годы кризиса вопрос только и мог стоять о том, кому из Романовых править. Романовым ли? — об этом

теперь не могло идти речи. Разумеется, в настоящем случае я имею в виду конфликт юного царя Петра Алексеевича с царевной Софьей. Вначале Федор Алексеевич, а затем Софья, Иван и Петр представляли собой третье поколение династии Романовых. Этого оказалось достаточным для возникновения и упрочения представления о том, что Романовы от века царствовали на Руси. Собственно, даже и не Романовы, а русские цари. Сами представители этой династии всячески подчеркивали естественность своего преемства предшествующей династии, собственно, даже не преемственность, а продолженность, когда одно как бы само собой и незаметно переходило в другое. В этом отношении Романовы находились вполне в русле общеевропейской традиции по прямому подобию, скажем, близким им по критерию времени возникновения династии Бурбонов. Начавшись в 1589 году, эта династия рассматривала себя не столько как потомков Валуа, сколько все той же династией под иным названием. Да и у Валуа не акцентировалось их отличие от Капетингов. Так что как Бурбоны, так и Валуа и собственно Капетинги в широком смысле слова оставались все теми же Капетингами. А теперь можно напомнить еще и о том, что сами первоначальные Капетинги были очень склонны подчеркивать и преувеличивать свое родство с предшествующими им Каролингами, так же, между прочим, как и последние — с Меровингами. Вот и получалось, что Францией всегда правила одна и та же династия, хотя и по-разному именуемая.

Возвращаясь к третьему поколению русских царей из династии Романовых, обратим внимание, на то, какое несомненное преимущество давало Петру прочная прикреплённость царственности к Романовым. Не будь ее, петровские преобразования, во всем их радикализме, вряд ли оказались бы возможными. Слишком велико было недовольство ими во всех слоях населения России. Недовольство это, в любом случае, не могло вылиться в стремление свергнуть царя, а в его лице династию Романовых. Противопоставить им кого-то другого было бы невысказано. Максимум, на что могли пойти недовольные Петром великим — это сделать осторожную и трусливую ставку на царевича Алексея. Хорошо известно, чем она обернулась. Меньшее внимание обыкновенно обращается на то, насколько мало был озабочен судьбами своей династии сам Петр Великий. Умирает он, так и не создав закона о престолонаследии и даже не назначив себе преемника. И что же, Романовым как династии это сошло с рук. Правда, только в конце концов. Первоначально, однако, и далее, в течение более чем двух третей века, ситуация оставалась чрезвычайно неопределенной и запутанной. Настолько, что в пору было бы сказать: «Да полно, Романовы ли правили Российской империей в промежутке между 1725 и 1796 годами?»

Екатерина I, подумать только, родом была из литовских крестьян! Ну, ладно, с этим еще можно смириться, приняв во внимание ее супружество с Петром I и ее коронацию в качестве императрицы. Но как тогда быть с тем, что у Екатерины, как минимум, не было никаких преимуществ перед другими возможными кандидатами на престол. Императрицей она все-таки стала не благодаря супружеству с императором, а в результате решительных действий А. Д. Меншикова и стоявшей за ним гвардии. Какой удобной, но только не династический принцип действовал в этом случае. В лице Екатерины I династия не столько продолжилась, сколько замерла в перспективе своей хотя бы какой-то продолженности.

Вроде бы ситуация с Петром II в корне иная. Он был сыном одного из царей-Романовых. По этой части все было бы благополучно, если бы не одно «но». Все же Петра определила на престол Екатерина, а вовсе не Земский собор или закон о престолонаследии. Наверное, в этом утверждении есть что-то от придирки. Во всяком случае,

согласие с ним целиком не делегитимирует Петра II в качестве государя. А вот далее после его смерти пошло-поехало. Анне Иоанновне престол был предложен небольшой группой имперской знати. Почему именно ими или именно ей? С точки зрения легитимности вопрос этот не имеет убедительного ответа в пользу Анны как императрицы. Назначенный ею, государыней по части легитимности очень сомнительно, наследник престола и некоторое время император-младенец Иоанн Антонович — фигура вполне карнавальная и гротескная. Да, в нем текла какая-то доля крови российских государей, но по сравнению с Елисаветой Петровной незначительная. Правда, младенец Иоанн был мужчиной, и в России никогда не существовало традиции царствования женщин. Но возразить на это можно, полагаю, достаточно убедительно — все-таки царское достоинство Иоанну было дано произволением императрицы-женщины, ставшей государыней по существу в результате заговора.

Заговор, о котором пошла речь, не был хотя бы вооруженным выступлением как в случае с Елисаветой Петровной. Как императрица она всячески подчеркивала свое преемство в отношении Петра Великого. Можно было даже представить дело так, что с Елисаветой, наконец, восстановилась справедливость и законность царской власти. Можно, наверное, но с очень существенными оговорками или умолчаниями. Например, касательно вооруженного выступления. Само по себе в условиях неясности прав той или иной августейшей особы на имперскую корону, оно отдает государственным переворотом. Кем она была предложена Елисавете Петровне? Все той же гвардией. А значит, выбор императрицы оставался по меньшей мере недопроясненным по части своей законности. Закона в ситуации Елисаветы не понадобилось, сработала совсем другая логика. Это была логика ближайшего родства с Петром, не столько Романовым, сколько преобразователем. Что-то от того, что в лице Елисаветы Петровны начинается династия Петра, а не продолжают Романовы, наверное, в обстоятельствах ее воцарения было.

Между тем, персоной, в которой заявляет себя династия Петра Великого, его дочь была очень проблематичной в виду ее официального девичества. Потому ее царствование должно рассматривать как отяжку в решении очень насущного для России династического вопроса. Сама Елисавета попыталась его решить, определив себе в преемники еще одного, после Иоанна Антоновича, родственника Романовых из немецких князей по женской линии. Династическая проблема тем самым не разрешалась, а возобновлялась в тех же чертах, что и ранее. Как Романов, Петр III выглядел фигурой очень сомнительной и уязвимой. Начиная, но далеко не заканчивая, с того, что романовского династийного самосознания и самоощущения у него не было вовсе или почти не было. Очевидным образом в Петре III династия Романовых превращалась в фикцию, в некоторое подобие риторической фигуры. С известной точки зрения очень странно, что эфемерность правящей династии оказалось возможным еще усугубить самим фактом правления императрицы Екатерины II.

Некогда было принято величать ее Екатериной Великой, в последние два десятилетия это величание возобновилось и распространилось достаточно широко, хотя и вряд ли оправдано. Наверное, если сопоставлять Екатерину с Фридрихом II, королем Пруссии, она тоже «Великая», но у нас-то был Петр Великий и если Екатерине усваивать величие наряду с Петром, то что-то уже очень неопределенным становится величие, прикрепленное к таким разномасштабным фигурам. Видимо, все-таки называть Екатерину Второй, а не Великой будет по чину и по справедливости, что вовсе не отменяет ее незаурядности как человека и императрицы. Тем более странным, если не сказать, диким, выглядит ее царствование с позиций легитимности и династийно-

сти. То, что в Екатерине не было ни капли крови Романовых — это как раз нормально. Жена государя в соответствии с общезападными обычаями и должна быть иноземкой. Жена, но не правящая императрица. Когда, например, в Англии более 40 лет правила королева Елизавета I, в этом не было ничего шокирующего. Конечно, Англия оставалась исключением из остальных европейских держав в своем принятии царствования женщины. Но для Англии в этом не было ничего от слишком далеко заходящих несообразностей. Зато в искупление ее пола Елисавета Тюдор как дочь короля Генриха VIII была плоть от плоти и кость от кости своя, англичанка. Вовсе никакой не аналог принцессы Ангальт-Цербстской Софии, ставшей правящей императрицей Екатериной II, да еще при живом сыне-наследнике Петра III.

Максимум, на что могла бы претендовать Екатерина после свержения своего супруга, так это на роль регентши при Павле Петровиче. Благодаря ему сохранялась хотя бы номинально и эфемерно правящая династия. Когда же за нее стала представлять Екатерина в качестве государыни-императрицы, в этом обнаружилась полная несообразность, неместимость ни в какие смыслы и несовместимость с самим основанием власти как христианских государей вообще, так и русской их разновидности. По существу, правление Екатерины II на всем протяжении ее царствования оставалось чистой данностью и голой фактичностью, подкрепляемыми по существу только одним — архетипом семейственности, неизменно господствовавшим в пределах Руси-России на любом уровне. В том числе и на государственном. Применительно к Екатерине это предполагало ее восприятие как государыни-матушки, матери всея Руси, женского аналога царя-батюшки и вместе с тем какого-то очень отдаленного аналога и персонификации русской земли порождающего и охраняющего материнского начала. Задействованность этого архетипа, разумеется, не легитимировало власть Екатерины II, однако, делало ее приемлемой для подданных сквозь и в обход собственно легитимности.

При всем отличии образа и стилистики царствования Екатерины II от того, что имело место при Елисавете Петровне, сближает их акцент на материнском начале у обеих государынь и восприятие себя ими как преемников и продолжателей царствования Петра Великого. С той, правда, разницей, что Елисавета олицетворяла собой петровское начало прежде всего за счет своей дочерности. Екатерина же видела себя продолжательницей дела великого государя. На этот последний момент, в частности, указывает великолепная в своей лаконичности надпись на памятнике Петру Великому, сооруженному ее произволением. «Петру Первому — Екатерина Вторая». Здесь ведь вторичность Екатерины должна быть истолкована прежде всего как следование за тем, кто был первым, за кем сохраняется достоинство начинателя, что не исключает стремления встать вровень «первопредку», а может быть, и его превзойти. Все это, однако, прямого и непосредственного отношения к династическому принципу не имеет. Уже в силу своего происхождения, так же как и кровавых счетов с мужем, не говоря уже о недопущении сына к царствованию, которое никак не соответствовало осуществлению династического принципа.

Когда же Павел Петрович, пускай и запоздало, все же взойшел на престол, несмотря ни на что, Романовы в качестве династии, наконец, вновь заявили о себе во весь голос. В этом несомненно состоит противоречие и парадокс царствования и самой фигуры императора Павла I. С одной стороны, царствование его было каким-то колеблющимся, неустойчивым и спазматическим. В какую сторону только не кидало Павла I. И потом убийство государя, казалось бы, вполне определенно стало окончательным приговором его царствованию со стороны тех, кто должен

был и при сколько-нибудь сносных условиях служил бы государю верой и правдой. Но давайте не закрывать глаза и на другую сторону. Боже нас упаси попасть в русло сегодняшних нередких, от этого не становящихся менее натужными и беспомощными, попыток пересмотреть устоявшиеся взгляды на Павла и его царствование. Речь у нас о другом, а именно о парадоксе и противоречии. В его рамки укладывается то, что Павел I, наконец, издал указ о престолонаследии, действовавший на всем протяжении дальнейшего существования династии Романовых. Указ оказался не только дельным и жизнеспособным. Он еще и подразумевал его династический характер, соотносился именно с Романовыми. Не лишним, наверное, будет напомнить в настоящем контексте и о том, что только с появлением многочисленного мужского потомства у императора династия по-настоящему упрочилась по линии преемства. Угроза ее прекращения была устранена.

Менее очевидным является то обстоятельство, что Павел I стал первой в России императорской особой, в которой воплотился неизменный в своих основах образ государя. Теперь и далее вплоть до Николая II в императоре видели не только помазанника Божия, но еще и первого солдата, так же как и первого дворянина империи. В пространстве этой статьи нет возможности хотя бы очень кратко развить заявленную тему. Придется ограничиться одним только указанием на то, что после Павла I вне зависимости от личных склонностей и предпочтений того или иного императора ему как извне, так и изнутри вменялось быть солдатом, то есть ощущать свое царствование как воинское служение и в то же время демонстрировать свою дворянскость, предполагающую отношение к своим подданным-дворянам в качестве свободного человека к свободным людям. Такая устойчивость образа императора, независимость его основ от смены на престоле очередного императора не могло не создавать эффекта династии и династичности. Примечательно, что сам Павел Петрович тоже был не чужд династийному принципу. Обратим внимание, например, на характер надписи на другом памятнике Петру Великому, на этот раз у фасада Инженерного замка — «Прадеду правнук». Вроде бы здесь имеет место подражание своей ненавистной ему матери. Но не оно в действительности выходит на передний план, а родство одного государя по отношению к другому. Конечно, оно по-прежнему не обозначается далее Петра Великого. И не только в виду принадлежности надписи определенному памятнику. Павлу Петровичу по-прежнему не близким было соотнести себя и свое царствование со всей династией Романовых. Время для этого наступило уже в царствование сына Павла I — Александра I.

Но не потому, что таковы были пристрастность нового государя. На этот счет не должно быть никаких сомнений. Династичность давала о себе знать совсем на другом уровне и в других измерениях. Прежде всего, обращу внимание на обстоятельство, которое способно вызвать недоумение у того, кто немного знаком с характером и стилистикой царствования Александра Павловича. Он был наследником убитого отца, сам, разумеется, непосредственного участия в цареубийстве не принимал, но свое согласие на сведение Павла I с престола давал. Казалось бы, после этого невозможно было царствовать вне всяких опасений насчет перспективы разделить участь своего отца. Ничего такого, между тем за Александром не числится. По части возможных покушений на его власть или царственную особу он оставался вполне беззаботен. И добро бы, если бы Александр вообще был человеком начисто лишенным подозрительности, мнительности, если бы «обиду не чувствовал глубоко». Напротив, все это несомненно присущие ему черты. Но почему-то на отношение к своему положению как государя они не распространялись.

Мне представляется, что объяснение такой странности не так уж сложно. Странности, собственно, здесь никакой нет. Просто Александр I живо и глубоко ощущал свою принадлежность к династии, от века правящей Россией, он богоданный государь. Претендентов на его престол не должно и не может быть. Несколько иное дело с опасностью революционного взрыва. Его Александр Павлович опасался. Революции, а никак не заговора с целью дворцового переворота. Она могла касаться только династии, а не исключительно собственной персоны государя. Но и с революцией борются иначе, чем предупреждая заговоры против своей власти и жизни. Их-то как раз Александр опасался менее всего.

К укреплению принципа династийности вели еще и события Отечественной войны 1812 года и их последствия. Они, как это принято говорить, обострили русское национальное самосознание, заставили вспомнить о многостолетней истории России, в том числе и о событиях двухсотлетней давности, когда тоже были разгромлены иностранные интервенты, преодолена Смута и установлена династия Романовых. Теперь вдруг вспомнили, что Россия и ее государи начинались не с Петра Великого. «Первопредком» Романовых все-таки был ничем не примечательный Михаил Федорович. Никому, кажется, в это время не приходило в голову отмечать двухсотлетие правящей династии. Но это и не так важно. Зато впереди, в относительно близкой перспективе была «История государства Российского» Н. М. Карамзина, который отдал должное Романовым. Далее предстояло появиться «национальной опере» М. И. Глинки «Жизнь за царя». Кстати говоря, акцентировавшей тему первого русского царя Романова в связи со спасением России от почти уже свершившейся гибели.

Оформление и укрепление династийного принципа применительно к российским императорам и их власти произошло в России тогда, когда колебаться начал сам монархический принцип, власть императора все меньше воспринималась как богоданная, а сам он в качестве священной особы. В государе просвещенные подданные хотели видеть наличие несомненных достоинств твердого и мудрого правителя. И если их не обнаруживалось, то отношение к императору становилось критическим. Касательно критики приведу один только пример. Император Александр III заслужил официальный эпитет Миротворца. По той же логике, в соответствии с которой его предшественник и отец Александр II стал Освободителем и Великомучеником. Но бытовало еще и неофициальное прозвище Александра III — «Митрофанушка». Вряд ли оно справедливо, хотя, может быть, какие-то основания для него есть. Примечательно, однако, не наличие этого прозвища как такового, а то, что оно срывалось с уст недавнего министра внутренних дел империи графа М. Т. Лорис-Меликова, беззаветно служившего предшествующему государю и Отечеству. Про оскорбленного невниманием Александра III, переходящим в неприязнь, М. Д. Скобелева нечего и говорить. «Митрофанушка» для него было обычным делом. Для того, кто представлял собой «красу и гордость» русской армии, был настоящим полководцем, возможно, действительно «Суворову равным».

Так расшатывался образ российского императора по мере укрепления династии и превращения династийного принципа в непреложную данность жизни Российской империи. Надо сказать, что эта непреложная данность никогда не была монолитом. Укрепление династии с нередкой для России в таких случаях стремительностью переходило в ее разложение. И что самое примечательное, сами Романовы потрудились над этим не в последнюю очередь. В том числе и за счет разрастания династии, что со всей ясностью дало о себе знать в царствование императора Александра II. Первоначально, если

под первоначалом иметь в виду идущее от Павла Петровича, все складывалось очень удачно. После себя Павел оставил трех сыновей, бодрых и крепких, без всяких признаков вырождения. Александр и Константин — старшие братья — остались, впрочем, бездетными. Мужского потомства не оставил и самый младший — Михаил. Но и каков был противовес со стороны Николая. Тоже, как и у Павла, четверо сыновей. Упомянуть об этом было не лишним, с тем, чтобы обратить внимание на по-своему очень примечательное обстоятельство. Каждого из своих сыновей Николай Павлович называл теми же именами и в той же очередности, что и Павел Петрович. Это опять Александр, Константин, Николай и Михаил. В этом обстоятельстве нельзя не увидеть акцентированное выражение династического принципа. Ведь от одного поколения к другому воспроизводилась не только не фигура государя, но и его братьев, предназначенных быть государю поддержкой и опорой, не говоря о гарантии от прекращения династии.

Дальше, однако, ситуация повернулась в сторону нежелательную, в чем-то даже и для самого государя. Я имею в виду следующее обстоятельство. При Александре I и Николае I их братья не играли той же существенной роли, как при Александре II. Когда царствовал Александр I, у него была некоторая дозука от взбалмошности Константина, Николай же и Михаил были слишком молоды, чтобы претендовать на заметное участие в государственной жизни. При Николае I Константин быстро умирает, Михаил же прожил большую часть царствования своего брата, занимая при этом очень высокие должности главнокомандующего войсками гвардии и гренадерского корпуса, не говоря уже о том, что он был главным инспектором артиллерии и инженерных войск, возглавлял ведомство военных учебных заведений. Пользы империи от этого было немного, издержки же куда больше. Даже начальник III отделения и шеф корпуса жандармов А. Х. Бекендорф в своих ежегодных отчетах государю по своему ведомству вынужден был, хотя и в самой осторожной форме, отмечать сложности и недовольства, порождаемые неумным и грубым начальствованием Михаила Павловича.

Но это было только скромным преддверием последующего. Уже при Александре II три его брата заняли очень высокие посты в империи. Константин был назначен в генерал-адмиралы и шефы Военно-морского ведомства. Николай в инспекторы кавалерии, Михаил по артиллерийской части. К этому надо добавить, что Константин побывал еще и наместником Царства Польского, Николай генерал-губернатором Санкт-Петербурга и главнокомандующим гвардией, а Михаил длительное время являлся наместником Кавказа и командовал войсками, вначале кавказского отдельного корпуса, а потом и Кавказского военного округа. Хуже всего, что Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу довелось стать еще и главнокомандующими русскими армиями на Балканском и Задунайском театре военных действий. Главнокомандующими они были никакими. В лучшем случае не препятствовали В. И. Гурко, М. Д. Скобелеву, М. Т. Лорис-Меликову проводить блестящие военные операции и выигрывать сражения. Цену великим князьям как главнокомандующим в общем-то знак каждый из участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Да и русское общество на этот счет было осведомлено неплохо. Надо ли пояснять, как это обстоятельство сказывалось на престиже династии Романовых?

По сути, начиная с царствования Александра II она начала превращаться в некую чрезмерно разросшуюся для династии общность, которой трудно подобрать точное название. Когда-то во Франции, скажем, в сходной ситуации выход находился в отделении от Бурбонов их младших ветвей, домов Орлеанского и Конде. Они оставались принцами крови и вместе с тем были не собственно Бурбонами. В России ничего такого не произошло, и хуже всего было то, что все практически без исключения Романовы

оставались неизменно склонными к военной службе или считали ее своим долгом. В результате в конце XIX века возникло положение, когда великие князья одновременно занимали должности руководителя военно-морского ведомства (генерал-адмирал Алексей Александрович), главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа (Владимир Александрович), генерал-губернатора и командующего войсками Московского военного округа (Сергей Александрович). Далее можно было бы упомянуть буквально всех главных инспекторов родов войск, начальника Главного управления военно-учебных заведений и т. д. Это было буквально засилье Романовых в военном командовании и управлении войсками. Тем более неуместное, что великие князья по большей части были вполне заурядными военачальниками, от которых в случае войны было бы очень немного толку. А ведь перечисленные мной должности не предполагали, что занимавшие их великие князья непосредственно подчиняются военному министру. С Алексеем Александровичем все понятно, он сам себе министр. Остальные же великие князья вольно или невольно создавали совершенно излишние сложности и неразбериху в военном ведомстве. Это было действительно засилье династии во вред самой себе и главе дома Романовых в первую очередь. Оно порождало династический кризис в не совсем привычном смысле слова. На этот раз он проистекал не от угрозы пресечения династии или соперничества ее представителей с государем или между собой. Нет, конечно, поскольку мы имеем дело с кризисом болезненного для России разрастания династии, от этого не только не крепнувшей, а становившейся все более уязвимой.

Еще один симптом уязвимости и кризиса династии Романовых заключается в потере у ряда ее членов «монархического чувства», живого ощущения своего единения с государем. Под конец существования Российской империи все большее число Романовых в большей или меньшей степени сближалась с позициями критиков режима. Во всяком случае, дистанция между великими князьями и государем в ряде случаев обозначалась все более явно. Дистанцию эту было бы вряд ли уместно обозначить как оппозицию. Романовы скорее потихоньку отходили в сторону от императора. Поэтому не было ничего неожиданного в том, что ряд великих князей солидаризовались с Февральской революцией и встали под ее знамена. Вспомним хотя бы великого князя Кирилла Александровича. Не может быть и речи о единой позиции Романовых в момент революционного взрыва. По сути, они представляли собой совокупность множества различных семей с резким преобладанием своих частных интересов, своими более или менее консервативными взглядами. На этом фоне еще за несколько лет до революции семья государя императора Николая II выглядела одиноким семейством, все более замыкавшимся в частной жизни. Семейей очень милой и дружной, но вовсе не представлявшей собой вершину правящей династии. В очень существенном отношении династия к моменту ее крушения пережила себя и закончилась до всякой революции. Все последующие попытки реанимировать династию Романовых, сделать ее единым домом не только были обречены на провал, но и производили (производят) впечатление того, что множество очень симпатичных, наверное, людей машут после драки руками. Династия Романовых действительно окончательно исчезла в момент революции. После того как она произошла, при всем желании, возродить было больше некого.